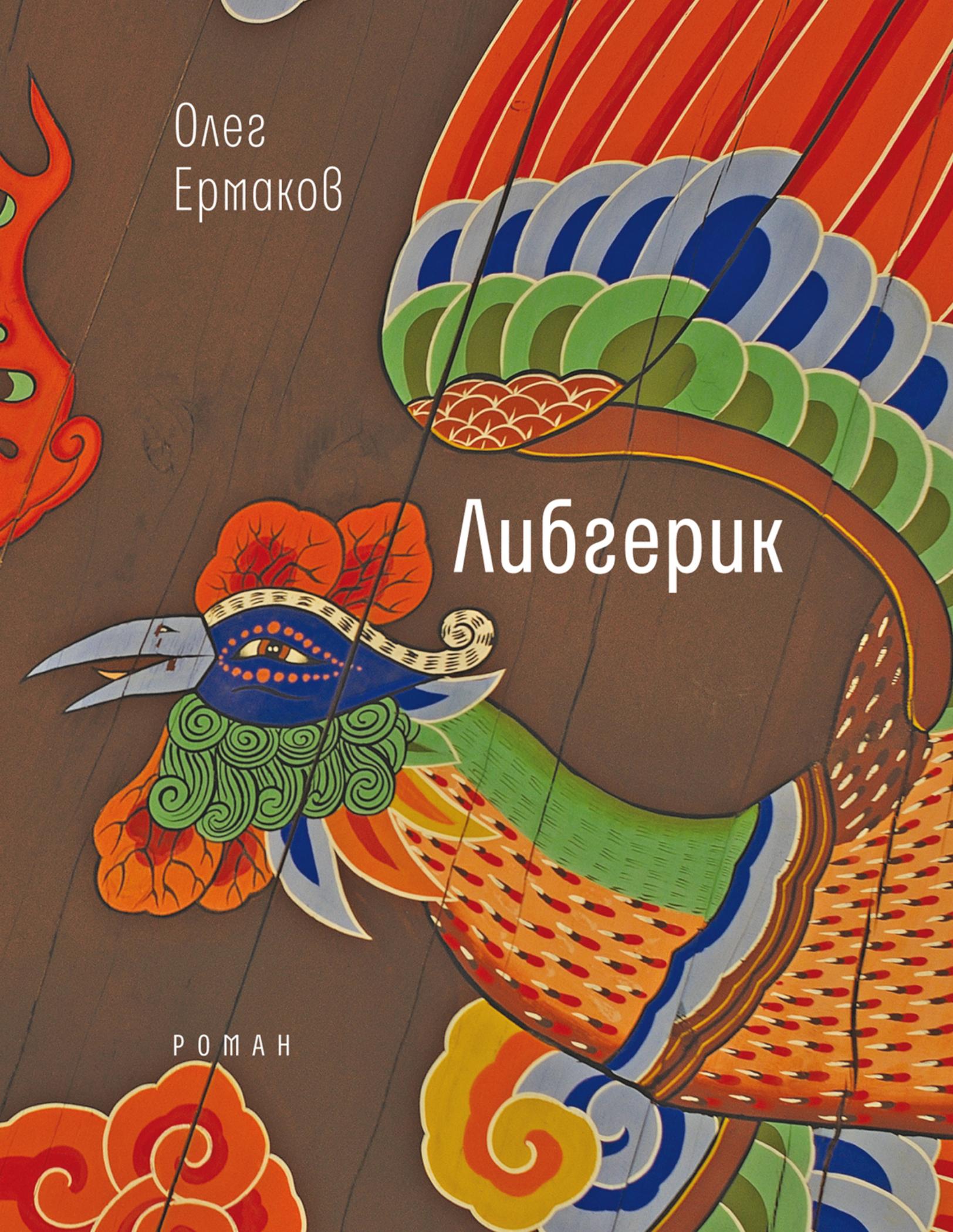

Олег
Ермаков

Либзери́к

Р О М А Н

Олег
Ермаков

Либзериќ

Р О М А Н

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Оформление, макет

Валерий Калныньш

На обложке фото автора книги — фениксы росписи северо-восточных средневековых врат Сеула Хехвамун («Врата, излучающие мудрость»)

Ермаков, О. Н.

Либгерик : роман / Олег Николаевич Ермаков. — М.: Время, 2020. — (Самое время!).

ISBN 978-5-9691-2041-9

За роман «Песнь тунгуса» Олег Ермаков удостоен премии «Ясная Поляна». Наградой в номинации «Выбор читателей» стала для писателя командировка в Сеул. «На исходе ночи я очнулся и увидел, что самолёт пролетает мимо Байкала. В Корею, в страну дальневосточных созерцателей... Не очередная ли это песнь байкальского жителя? Песнь странствий?» Так в результате и вышло. Семейная пара из Петербурга оказывается по приглашению в Сеуле. Бродя по улочкам экзотического города, они вспоминают годы молодости, когда жили на Байкале, в заповеднике. Герой там работал лесником и бредил мифическим царством Иоанна с одним примечательным деревом, шагнув за которое, можно было оказаться «на той стороне». И лесник честно пытался это сделать... И теперь ему, не слишком успешному бизнесмену, снова мерещится «та сторона». Неожиданная встреча со странным гидом как будто сулит это проникновение. У гида Лиды своя история путешествия «на ту сторону», в котором тоже был гид — эвенк, правнук великой шаманки Шемагирки. Маршруты романа уходят на Курильские острова, в Японию, в средневековую Корею и Китай, на Байкал и в места, вовсе недоступные обыденному сознанию.

© О. Н. Ермаков, 2020

© «Время», 2020

*Обняв сосуд с огнем погасшим,
Глубокой ночью я кружил.*

Юн Дон Чжу

Часть первая

В Сеуле шел снег.

Кристина зевнула.

— Проснулась? — спросил Шустов, оборачиваясь и успевая увидеть в большом прямоугольном зеркале над столом с журналами, настольной лампой и какими-то пакетиками отражение комнаты: белоснежной, как великий сугроб, широкой кровати, странных, наверное авангардистских, картин, напоминающих увеличенные георгиевские ленты, вход и решетчатую деревянную перегородку, закрывающую кухню с раковиной, плитой и стиральной машиной.

Это было похоже на кинолентку, которую зачем-то отматывают назад. Еще мгновение — и все кадры уйдут дальше, мимо деревянной перегородки, в прихожую с обувью у порога, за дверь, по коридору, в лифт, в холл гостиницы с подтянутыми вышколенными девушками и молодыми мужчинами в черно-белых костюмах, лучезарно улыбающимися всем встречным-поперечным под гигантского размера птичье-древесной картиной в духе Анри Руссо; по автостраде; через мегаполис; мимо гор; на длинный мост через морские заливы; на остров, откуда взлетают, разогнавшись, как динозавры тяжкие и размашистые лайнеры...

В воздух!

И обратно, через полмира, поперек Азии, над Китаем, Монголией, Сибирью, за Урал...

Но где-то за Монголией пространство резко... резко... Что-то с ним случилось. Оно разбросило рваные лепестки. Именно там Шустов и проснулся, закемарив еще над Западной Сибирью. Вязкий гул самолета словно оторвался, повис позади. Как и великое пространство. И осталось голое время. Оно синей дугой вошло

в зрачки, и это была траектория самолета на дисплее перед сиденьем.

Синяя дуга и маленький самолетик на ней проходили мимо нарисованного большого бумеранга — Байкала.

В этот миг зашевелилась и Кристина на своем сиденье. Оба сиденья были зажаты двумя другими, на которых похрапывали два корейца, а может два китайца или японца. До иллюминаторов далеко. И к тому же они были закрыты. И к тому же стояла ночь. Или текла, неслась со скоростью девятьсот километров в час. А в сознании с еще большей скоростью мелькали кадры давнего забытого кино про древнее пресное море, крошечный поселок на берегу, где жили лесники и научные сотрудники заповедника, библиотекарь, хлебопек и электрик Виктор Петров с патриаршей черной бородой лопатой, его миловидная жена, пожарный — в прошлом органист, то есть настройщик органов из Таллина, как его... Гена? Или Николай... Кое-что уже забылось. Но не бирюза Байкала в тихий дивный час на рассвете. Не аромат тайги: багульника болотного, смолы, хвои, прелой листвы. Не дали, открывавшиеся с вышки на горе... на горе Бедного Света. Это название дал молодой тогда лесник Шустов, и оно понравилось Петрову, бывшему геологу, философу с анархистским уклоном, игравшему фламенко и штудировавшему испанский, ибо название предполагало рост — рост света.

Этого не забыть.

И притулившейся на горе под многометровой вышкой из сосновых и лиственничных бревен избушки, зимовья с одним окошком, с цветами на подоконнике в банке из-под конской тушенки, транзисторным приемником, изливавшим советскую пропаганду, но и добротные познавательные, литературные и музыкальные передачи, каких сейчас нет и в помине. На этой горе, в этой избушке они и жили целое лето, Олег Шустов и

сбежавшая из Ленинграда студентка Кристина; он не попал из-за туманов в армию, не смог вылететь на большую землю; Кристина ждала ребенка. И они были счастливы.

По утрам на дерево прилетал орлан.

Где эта гора Бедного Света?

И вырос ли свет?

— О нет, пожалуй, и не проснулась, — пробормотала женщина, накидывая халат и неотрывно глядя на окно.

Запахиваясь, она зашаркала синими гостиничными тапочками по паркету, остановилась у окна, к которому и Шустов уже повернулся, снова увидев в зеркале отражение деревянной перегородки, авангардистских картин — и, наверное, всего, что было потом, после байкальского лета, всей состоявшейся и несостоявшейся жизни, ведь прошлое на самом деле упаковано в песчинку размером с горчичное зерно, как писано в Великой книге, что, мол, крошечное горчичное зернышко, а разрастается деревом; в сознании это зернышко то и дело взламывает настоящее могучим стволом и ветвями — и снова оборачивается хлебной крошкой...

За окном во всю стену падал снег.

Снег сыпался, вился мокрыми белыми прядями между высотными домами, налипал на зеленоватую черепицу готической церкви с крестом на башенке и крупными иероглифами на фасаде над большим круглым окном, летел на бетонные ограды, магазинчики внизу, строения с какими-то изогнутыми блестящими трубами.

— Снег, — подтвердил Шустов и прокашлялся.

— А так тепло вчера было, — чуть хриповато со сна сказала Кристина, протянула бледную точеную руку к стакану с водой, сделала глоток. — Странно, — проговорила, утирая тыльной стороной ладони губы.

— Вот так, — проговорил Шустов. — Может, произошла какая-то ошибка? И мы оказались не на юге, в Сеуле, а на севере — в Пхеньяне? В лапах спецслужб Ким Чен... Чен Им... В общем, вечного Ким Ир Сена.

— Хм...

— Или это мы с собой его и привезли.

— Кого? — спросила быстро Кристина, с испугом взглядывая на Шустова, и тут же рассмеялась. — Да в Питере еще нет и в помине.

— Неизвестно. Может, как раз и выпал, — возразил Шустов.

— Что же делать? — спросила Кристина, щурясь на белый свет из окна.

— Готовить завтрак.

— Ах ты! Черт! — Кристина взмахнула рукой, повернулась к электронным часам. — Завтрак-то мы проспали! Портье говорил, что со скольких-то до десяти. А уже одиннадцатый час. Пятнадцать минут... Надо было завести будильник.

— В Питере еще только четыре утра. Обогнали ночь. Прилетели поближе... к источнику. До Японии тут рукой подать.

— А при чем тут... — пробормотала Кристина, ловя рыжую прядь и скашивая глаза на кончики волос.

— Страна восходящего солнца, — ответил Шустов.

— Я слышала, они их не любят, — проговорила Кристина, продолжая рассматривать волосы.

Шустов хотел уточнить, кто кого не любит, но уже понял и промолчал.

Полчаса спустя они сидели за стеклянным круглым столом, пили горячий чай с питерскими конфетами и бутербродами, загодя приготовленными Кристиной, и смотрели в окно на безостановочно вьющиеся космы снега.

— Мокрый снег... как это мерзко, — ежась, говорила Кристина.

— Надо было устраивать конференцию в самое комфортное время, весной или в сентябре.

Кристина усмехнулась:

— Это корейцы, дорогой.

Шустов поморщился:

— Слушай, если это кино, то совсем не голливудское, — сказал он и сделал большой глоток чая, обжегся и еще сильнее сморщился.

Брови Кристины взлетели.

— Мм?..

После чаепития Шустов сказал, что расслаживаться нечего, надо действовать; у них в запасе только неделя. Кристина уже надела очки и включила ноутбук. Ее глаза под стеклами очков еще больше расширились, когда она взглянула на Шустова.

— Что ты хочешь сказать?

— Пора.

Кристина, качая головой, вновь обратилась к дисплею ноутбука, и стекла очков налились холодной свинцовостью. Шустов снял халат.

— Тебе жарко? — не оборачиваясь, спросила она.

— А может, в нем и пойти? Буду как самурай снега. То есть — снеговик.

— Куда пойти?

— В город. Не каждый день просыпаешься в Сеуле. Довольно дорогое удовольствие.

— Ты шутишь, — убежденно сказала Кристина.

— По-моему, это ты шутишь. Или все еще спишь. Одно из двух. Проснись, красавица, пора. Друг прелестный.

Кристина скривила губы.

— Как-то... невкусно.

— Уж лучше голливудского *дорогого*. Пошли.

— Да ты что?! Там у Пушкина хотя бы было солнце, пусть и мороз. А здесь — мокреть. Мокрый снег. И он не кончается. Я, — проговорила она, плотнее запахивая толстый белый халат на груди, — никуда не пойду.

— А на обед снова будут конфетки с чайком? Надо хотя бы купить яиц, масла, вон сковородка имеется, пожарим яичницу, вечный обед холостяков.

— Чего это ты возомнил себя холостяком? Мы вместе сюда прилетели, дорогуша.

— Друг прелестный...

— Перестань.

— Да сколько раз...

— Ах, извини, действительно. Уж совсем не... Ну, хорошо. Договорились.

— ...И вот прикуплю, — продолжал Шустов, натягивая джинсы, — прикуплю лука, рыбы, хлеба, а может и картошки. Говорят, здесь есть какой-то знаменитый рыбный рынок. Я читал... Как его... Норя... Не помню, как дальше. Надо было купить путеводитель. Гид, видишь, побоялась снежных заносов.

— Она завтра будет, пришла эсэмэска.

— Зачем она нам вообще? Что за буржуйские прихоти?

— Сами мы тут ничего не поймем. Это же другая планета. И английский тут не в ходу, — напомнила Кристина. — Да и зачем отказываться? Это подарок от компании.

Шустов тяжело вздохнул:

— Как я ненавижу новые времена.

Брови у Кристины взлетели.

— За что же? За поездку сюда?

Шустов молчал, надевая рубашку, свитер. Потом обувался. Наконец, разгибаясь, ответил:

— За этот подлый язык.

Ноутбук с визгом двинулся по стеклу стола. Кристина сняла очки, с возмущением глядя на Шустова.

— Что ты имеешь в виду? Что я не так сказала?

— Да ладно.

— Нет уж, скажи.

— Ну, *от* компании. Рассказ *от* известного писателя имярек. Платье *от* кутюрье Зайцева.

— О! О!.. А ваш язык, сударь любезный, просто всегда само совершенство. Просто шик и блеск сапожника, опора во дни сомнений и раздумий. Уши вянут.

Шустов усмехнулся:

— Иногда сильные переживания требуют сильных выражений. Это было свойственно даже Пушкину. А он — солнце.

Кристина взяла стакан, сделала глоток. Повернулась к окну. Шустов шуршал курткой, заматывал шарф.

— Так ты серьезно... Намереваешься... — проговорила глухо Кристина.

— Намереваюсь, — сказал он.

— Вымокнешь да и сляжешь с температурой. С твоим-то горлом. Даже от помидора из холодильника гланды тут же краснеют... Ой, — спохватилась она, театрально прикрывая рот рукой. — Что я сделала? Опять. *От* помидора. Или все правильно?

Шустов улыбнулся на ее замечание.

— Куплю водки. Заранее.

— Угум, это мы умеем, любим лечиться. Не надо, а?

— А что, думаешь, они святые тут? Трезвенники? Глушат свое sake небось.

— Это японское.

— Ладно. Постараюсь. И вот что я нашел за дверцей.

— Что? — спросила живо Кристина.

Он показал синий зонт, раскрыл его, и тот сразу заполнил всю прихожую.

— Огромный, — сказал Шустов. — С лейблом гостиницы, чтобы не сперли русские мазурики.

— Тут весь мир перебивал.

— А лейбл — для нас.

Кристина вздохнула.

Шустов сложил зонт и взялся за ручку двери.

— Постой, — окликнула она мужа. — Раз есть такой большой зонт, я, пожалуй, пойду тоже.

Шустов улыбался, глядя исподлобья.

Первый снег, первый снег...

В Сеуле.

Редкие прохожие под зонтами спешили где-нибудь спрятаться от этого мокрого снегопада — в кафе, в офисе или хотя бы на остановке. Снег налипал на желтую и пурпурную листву. А листья на некоторых деревьях и кустах и вовсе были зелены. И на клумбах пестрели живые цветы. Ветки сосен тяжело гнулись. Перед кафе и магазинчиками орудовали лопатами смехотворно хрупкие работницы в легкомысленной одежде: курточках, брючках, из-под которых выглядывали голые щиколотки; им помогали и простоволосые парни в кроссовках на босу ногу. Прохожие тоже были без головных уборов, но хотя бы защищены зонтами. Впрочем, встречались и горожане без зонтов, в расстегнутых черных полупальто, с галстуками, в белых рубашках, без перчаток. Кристина и Шустов с изумлением на них таращились. Те в свою очередь тоже с любопытством поглядывали на парочку под синим зонтом с гостиничным желтым знаком; у Кристины из-под кремового берета выглядывал яркий рыжий хвост; щеки Шустова занесены были как будто снегом, но снегом, смешанным с углем. Сами мужчины на улице все были безупречно выбриты, подтянуты, быстры, но не суетливы. Кристину поразил снег под ногами — снежная каша чиста, и лужи, ручейки, бегущие всюду, прозрачны.

— У нас первый снег мгновенно превращается в коричневую слизь, мутные лужи — в грязные болотца, — бормотала она, осторожно шагая. — Как им это удается?..

— Это уж нам удастся на славу, — бросил Шустов.

— Да нет, им, сеульцам.

Шустов хохотнул.

— Что смешного? — поинтересовалась Кристина.

— Мне все слышится что-то сельское.

— Ну, — откликнулась Кристина, окидывая взором высотные дома, похожие на толстые сигары или, скорее, на самолеты с отбитыми крыльями и хвостами, поставленные на попа, — уж на село этот монстр стекла и бетона точно не похож.

По дороге проезжали автомобили, непрерывно смахивающие с циклопического растянутаго ока снег двумя мощными ресницами. Неспешно тянулись синие и зеленые автобусы. Стекланные этажи уходили в беспросветную снеговую высь, сквозь которую светились электрические экраны, надписи. То и дело попадались прислоненные к перилам горные велосипеды, занесенные снегом, и не пристегнутые замками.

— Похоже, у них не только снег чистый, но и помыслы, — заметила Кристина, кивая на очередной велосипед.

— Наверно, рубят топором руку воровскую, — тут же предположил Шустов.

— А по-моему, у них вообще мораторий на смертную казнь.

— Отрубить руку — еще не убить.

— Уже от ужаса помереть можно.

Они шли по улице под большим синим зонтом с желтым знаком, глаза по сторонам.

— Куда мы вообще идем? — спросила Кристина.

— Не знаю, — ответил Шустов.

— Не заблудимся?

— Я этого давно хотел, — сказал он. — Затеряться среди чужих гор, чужой речи. Утонуть в ней и, как пел Высоцкий, позывные не передавать.

— Посмотри, — сказала Кристина, — даже ребенок без шапки.

Навстречу им шли отец и сын, оба в темных очках, в куртках, джинсах, простоволосые; у мальчика куртка распахнута, через плечо сумка с каким-то мультяшным персонажем и надписью «Big Hero». Правда, снег немного унялся, только изредка летели с неба лоскуты. Тогда Шустов нажал на кнопку, и зонт схлопнулся. Мальчик одобрительно кивнул.

Через дорогу они увидели внушительных размеров арку и направились к ней. Она была похожа на парижскую. За аркой зеленели сосны и высился монумент.

— Неужели и здесь Ильич? — удивился Шустов.

Нет, это был памятник какому-то местному деятелю, но пафос, с каким он вскинул руку с кепкой, — нет, с посланием потомкам, свернутым в трубку, — расстегнутое пальто, простоволосая голова, — во всем этом было что-то неизбывно соцреалистическое.

— Ничего-то мы не знаем о Корее, — посетовал Шустов, — кроме того, что, как и Германию, ее раскололи тектонические сдвиги на два материка: социализма и капитализма.

— Мог бы и узнать что-то перед поездкой, — ответила Кристина, кривя накрашенные губы.

— Ты же знаешь, что некогда. У меня до сих пор перед глазами цифирь отчетов.

— Пора бы вполне доверять Надежде Алексеевне. Сколько она уже бухгалтершей у тебя?

Шустов мотнул головой в вязаной шапке с помпоном, сморщился.

— Слушай, какая скука толочь это и здесь.

Кристина улыбнулась, глядя на его шапку.

— Но шапку она тебе ко дню рождения связала веселенькую.

Шустов потрогал шапку и сказал, что ему нравится, это именно шапка для сказочных путешествий.

— Хм, пока что тут только сказочно сыро, холодно, бр-р-р, — отозвалась Кристина.

— Не знаю, — сказал Шустов. — Но, возможно... все и начнется сейчас.

— Почему именно сейчас?

— А вот мы входим в эту арку.

Они проходят под аркой и оказываются на той стороне.

Шустов говорит, что в каком-то журнале, «Вокруг света» возможно, сто лет назад, а точнее, мм, лет тридцать с лишним, на Северном кордоне на Байкале он, вчерашний школьник, прочел такую средневековую байку про пресвитера Иоанна, что, мол, путешественники прибыли в его царство, пошли на прогулку, увидели древо некое, о котором их предупреждали не заходить *на ту сторону*, потоптались, попятнулись, да неумный один их спутник взял и шагнул на запретную сторону.

— Что он там увидел? — мимоходом спрашивает Кристина, снимая смартфоном заснеженные сосны, памятник за аркой.

Шустов кашляет, отвечает, что это и неизвестно, он просто рассмеялся и ушел дальше, а его спутники напрасно ждали до вечера. И вот он, молодой лесник Шустов, прибывший в Сибирь за неведомой долей, буквально заболел этой байкой, и ему за каждым кедром, за всякой лиственницей в смолистых потеках мерещилось царство Иоанна.

Кристина морщит лоб.

— Это же мифическое?

Шустов кивает. Она снимает его.

— Все-таки шапка у тебя клоунская, — говорит она.

— Между прочим, полагали, что это царство находится где-то в восточных краях, в Тибете, в Монголии, даже в Казани...

— Или здесь? — догадывается она.

— Да. Но это уже мое предположение.

— На чем оно основано? — сухо интересуется она.

— Ну вон же, сколько тут церквей. Вон выглядывает крест. Вон. И пока шли, видели. Да и прямо перед гостиницей. А этот пресвитер и был христианским

царем среди шаманов, мусульман, буддистов и всяких даосов там.

— Что-то вас, господин торговец, на запредельное потянуло.

Шустов с ухмылкой на тяжеловатом, слегка обрюзгшем лице оглядывается на пройденную арку и делает широкий жест. Кристина перестает снимать его на смартфон, бормочет, что надо обязательно переменить головной убор.

— Вот еще, — брюзжит Шустов. — У нас в Питере все так ходят.

— Что, если нас увидит кто-то из прибывших на конференцию?

— Начхать. Откуда им знать, что я твой муж? Может, любовник.

— Хм, ему тоже надлежит выглядеть соответствующим образом.

— Каким образом?

— Таким. Не клоунским.

Шустов хрипло смеется, проводит ладонью по стреляющей щетине.

— Известный биолог Кристина Альбертовна Шустова и клоун, торгующий финским ширпотребом.

— Китайским.

— Какая разница.

— Вообще-то немаленькая. Эти знаменитые *финские* пуховики, *шведские* парки и шубы из *скандинавской* норки на соседнем рынке продают пареньки и девчата из Поднебесной — и в несколько раз дешевле.

— Перебивают нас дешевизной, выезжают за счет вала.

— Ну, дорогуша, перестань, я же не инспектор администрации Адмиралтейского района. Просто люблю точность.

— Конечно, нет, уважаемый представитель «Потребнадзора».

— О-о, это что-то новенькое.

— Да нет, как раз старенькое. Надзирать и потреблять — это ваше призвание. Плащик-то на вас истинно финский. Сапожки шведские. Перчатки норвежские.

Лицо Кристины искажает брезгливая гримаса.

— Не перебарщивай.

— Ну я уже не помню, чьи перчатки... Но именно так мы и одеваем всяких там инспекторов-потребителей.

— Как будто кто-то неволит.

— Да-с, неволит! Жизнь и неволит! — восклицает Шустов, кривляясь.

Помпон на его шапке раскачивается из стороны в сторону, как огромный бубенец пестрого, оранжево-голубого цвета.

Действительно, как можно было надеть в столице иностранного государства, мирового лидера по выпуску кораблей, родины тхэквондо и непримиримо жестокого режиссера Ким Ки Дука такой дурацкий колпак. Он надел его даже раньше, еще в самолете. То есть еще раньше — в Пулкове. Да, в Пулкове он уже был в этой шапке. А может и нет, еще стеснялся, так, накинул капюшон *финской* куртки. А в Пулкове или все-таки в самолете, когда тот пролетал мимо Байкала, самого глубокого озера нашей планеты, и напялил колпак с бубенцом. Возможно, что-то его донимало. Храп соседей корейской национальности. Натянул колпак на уши. Но не уснул, а проснулся. Хотя мудрец называл пробуждением именно сны, а обычную реальность — сновидением. Этого мудреца Шустов держал в штате своей фирмы, он был сторожем складского помещения с товаром. Звали его Карлом. Так-то, по паспорту — Николаем Игнатьевичем. И бороды у него, как у Маркса, не было. И о Карле Великом он не заикался. Просто любил спать и видеть сны, а потом рассказывать. Это были целые сериалы. И кто-то сравнил их

с «Ходячими мертвецами», сериалом про зомби и выживших, а там-то и был мальчик-герой Карл, породивший этот мем: «Карл!». Прозвище, как это и бывает, случайно, но крепко приклеилось. Разумеется, его надо было гнать в три шеи с работы, но как-то он прижился, нелепый, бледный, курносый пенсионер с лысиной. Карл.

— Карл, — бормочет Шустов, ухмыляясь.

— Чего? — спрашивает Кристина, снимая на смартфон служителей, сбивающих с сосен снег длинными палками.

Шустов молча наблюдает за работниками в синей униформе, в оранжевых касках. Один из них замечает иностранцев, что-то говорит напарнику, тот оглядывается, хмурится — и неожиданно улыбается, кивает. Кристина отрывается от съемки и тоже улыбается, машет рукой.

— У американцев научились, — бурчит Шустов.

— Нашим тоже не помешало бы этому поучиться.

— Да уж... наши работники давно послали бы такую съемочную группу подальше. Но какого ляда они сбивают снег?

— А ты видел, как обматывают деревья соломенными покрывалами? Похоже, тут культ дерева.

— Хм, тогда бывшие лесники заповедника прибыли в нужное место, — заключает Шустов.

Они проходят мимо какого-то мемориального комплекса. За оградой одноэтажные здания казарменного типа, обелиски. Шустов говорит, что это казармы или тюрьма. По дорожке за оградой идут туристы с белыми флажками, на которых краснеет круг.

— А вот и гонцы солнца, — бросает Шустов.

Кристина снимает их через ограду.

За мемориальным комплексом видна уже настоящая военная часть. Под масксеткой стоит техника. Солдаты играют в баскетбол. Кристина снимает их.

— Как бы нашу съемочную группу не скрутили, — предупреждает Шустов. — У них же все еще война на дворе.

Кристина вопросительно оглядывается.

— Мир-то с Севером они так и не заключили, — продолжает Шустов.

Кристина перестает снимать, прячет смартфон в рыжую сумочку. Они обходят военную часть стороной, дорожки ведут куда-то выше, глубже в парк. Снегопад прекратился совсем. На ветвях чистые снежные шапки. Молча они идут по дорожке выше. Под ногами мелкая кленовая листва карминного цвета.

— Что, идем дальше? — спрашивает Кристина.

Шустов пожимает плечами.

И они продолжают восхождение куда-то, словно помимо своей воли. Кристина замечает что-то на сосне, достает смартфон, наводит — на ветке сидит перламутровая птица.

— Да это корейская сестрица нашей горлицы, — определяет Кристина. — Красотка.

— Павлины здесь водятся? — спрашивает Шустов.

— Ты же видишь, сколько снега.

— Первый снег... Да-а... Помню, такой же выпал на горе в сентябре. Я поднялся туда один, еще до твоего приезда в заповедник.

— Я помню, — отозвалась Кристина, — ты рассказывал. Это было шестнадцатого сентября. Твое любимое магическое число с тех пор.

Шустов сдвинул шапку на затылок, удивленно глядя на женщину.

— Все точно. Как это ты не забыла?

Кристина развела руками — и вдруг присела. Это было похоже на артистический поклон.

Шустов засмеялся.

— А ведь ты когда-то в молодежном театре играла! — вспомнил и он. — Но сбежала от режиссера-

совратителя... Сволочь. Вдруг он убил великую актрису. Нашу Мерил Стрип.

Кристина смахнула с порозовевшего помолодевшего лица снежинку — или что-то, отвернулась к городу, видневшемуся в прореху между сосновыми заснеженными кронами. Корейская горлица захлопала крыльями и улетела, осыпав снег. И снег заискрился в ударившем луче солнца.

— Вот, — сказал довольно Шустов, — мы не прогадали.

— Пойдем дальше? — спросила Кристина.

— Да, — ответил Шустов, ткнув вперед и вверх сложенным синим зонтом.

Вверх вели дорожки по деревянным настилам с деревянными перилами, иногда прерываемые каменными ступенями, и тогда можно было выбирать, по какой именно дорожке продолжать подъем. Изредка сверху шли путники, все дальневосточного типа, узкоглазые, черноволосые, с лицами смугловатого, а то и откровенно желтого отлива. Многие были с лыжными палками, все — в походной одежде: в пуховиках, спортивных штанах, кроссовках. Шли паломники этого выходного дня и вверх, обгоняя двух странных пешеходов с синим зонтом, в одежде, совсем не приспособленной для снежных восхождений; особенно необычной была их обувь: сапоги на высоком каблуке у рыжехвостой иностранки и узконосые черные блестящие штиблеты у небритого мужчины в шапке с тяжелым бубенцом. И паломники, конечно, пялили узкие азиатские глаза на этих двоих.

Один кореец или китаец не выдержал и, указывая на их обувь, что-то сказал им с изумлением.

Шустов с Кристиной сдержанно улыбались, разводили руками. Кореец о чем-то спрашивал. Кристина попыталась заговорить с ним по-английски. Но тот не смог перейти на язык международных симпозиумов. И что-то продолжал говорить по-корейски. Наконец он вопросительно произнес:

— Джинкуе?

Шустов с Кристиной переглянулись. Кристина замахала рукой и ответила, что они не из Польши, а из России. Кореец выслушал и тут же довольный закивал.

— О, ноу, ноу проблем, ноу, ноу, — повторял он, качая головой и обгоняя их, уходя вверх.

— Мол, тогда дойдете, — сказал Шустов. — Русские ученые и бизнесмены всегда так ходят по горам.

— Кто же знал, что обвалится снег на голову, — откликнулась Кристина. — И что мы пойдём в горы.

И она растерянно посмотрела на Шустова, потом обвела взглядом некогда зеленых, а теперь синевато-серых дымчатых глаз заснеженные сосны, уходящие вверх по склону, фигурки поднимающихся и спускающихся горожан или туристов из близлежащих стран.

— А вообще-то... чего мы сюда, действительно, поперлись? — спросила она. — Ведь не собирались? В такую-то погоду...

Они продолжают восхождение. Спускающиеся паломники часто с ними здороваются, кивают, вежливо улыбаются. Шустов вдруг вспоминает, что еще вчера они месили слякоть на питерской улице, а вот уже действительность вздыбилась чудной горой с соснами и какими-то еще деревьями и кустами. И они пытаются ее одолеть.

— Действительность неодолима, — роняет Кристина, слегка задыхаясь.

— Ну, если гора и действительность идентичны, как любят говорить твои коллеги, то они вполне одолимы.

Кристина машет рукой.

— Пустое.

А вершина уже видна. На нее восходят три пожилых корейца или китайца, а может японца. И дружно что-то горланят.

Последние ступени круто идут вверх. Кристина и Шустов взбираются на площадку, озираются, задыхаясь. Внизу Сеул, огромный и неведомый город с дорогами, домами, рекой, мостами, горами, музеями, ресторанами, дворцами, башнями, парками, он дышит, неясно гудит, как дракон, во все свои сопла, белеет снежной чешуей, выбрасывает столбы дыма.

— Привет горе, — бормочет Шустов, ветер срывает его приветствие с губ и уносит куда-то.

— Какой горе? — спрашивает Кристина, отворачиваясь от ветра.

— Нашей, — отвечает Шустов.

Кристина молчит, смотрит вниз, на дороги, по которым движутся крошечные спичечные коробки автомобилей.

Корейцы фотографируются на фоне соседних гор, на фоне Сеула.

— Ну и все-таки мы ее одолели, — спрашивает Шустов, — или нет?

— Мы даже не знаем ее названия, — возражает Кристина.

— Да назовем сами. Гора... э-э...

— Поздних лет, — подсказывает Кристина и слизывает нечаянно немного помады с нижней губы.

— Ты, как обычно, съедаешь помаду, — замечает Шустов.

Кристина беспечно отмахивается и отвечает, что внизу подкрасится.

— Хочешь пить? — спрашивает она.

И Шустов кивает.

— Но снег корейский есть не буду, — говорит он.

— Пойдем вниз, там дымятся кофейни, — произносит она, как будто цитирует чье-то стихотворение.

— Это цитата?

Она качает отрицательно головой.

— Когда-то я любил дальневосточных поэтов, — говорит Шустов. — Геолог Петров открыл это месторождение талантов созерцательных для меня. Чжуан-цзы, Лао-цзы... Нет, это не поэты. А поэты... как их там...

Он морщит лоб, сдвигает вязаную толстую шапку на затылок.

— Хм, нет, производителей дубленок, шуб и перчаток я знаю лучше. Pikenz, Paolo Moretti, Linnanen. А чудные творения Lapin Nanka Oy! Это действительно вау.

Мягкие, пушистые оленьи шкуры из-за полярного круга. Семейный бизнес с полсотни лет. Шкура под ногами на даче у моря, на стене в кабинете, если вы писатель аля Хемингуэй. Это ли не поэзия? А шубы из финской лисы «Голденберг фурс»?! Надо было, кстати, в такой тебе сюда и приехать.

— Это еще почему?

— Я слышал, у них тут культ лисы. Лисы-оборотни. Вот это был бы фурор. Хотя твой хвост и так производит на них неизгладимое впечатление.

— Перестань дурачиться.

— А все же, с точки зрения ученого-биолога, почему это так у них тут? Что за странная страсть к лисицам? Может, они произошли от лисиц? Мы все от обезьян, а они от лисиц, чернобурок.

— Это все как-то нелогично, дорогуша. Оборотней боятся, а не почитают. Формулируй точнее.

Шустов постукал себя пальцем по шапке.

— Ну я же торгош, а не ученый.

Кристина устало взглянула на него и ничего не ответила.

Спускаются они другим путем. В одном месте ступеней нет, просто углубления в скале. Надо крепко держаться за веревочные перила. Сапоги Кристины скользят, она с трудом удерживается, вцепившись в веревку, лицо ее бледно. Шустов смотрит на нее.

— Да помоги же!

— Как я к тебе подберусь?

— Ох...

— Подожди.

Кристина нащупывает ногой углубление в камне, подтягивается на веревке.

— Надо было прежней дорогой... — задыхаясь, бормочет она. — Но тебе необходима новизна.

Шустов готов возразить, но помалкивает.

За ними сверху с интересом наблюдают паломники выходного дня.

— Давай вернемся, — наконец предлагает Шустов.

— Нет уж, — бросает она и продолжает спуск.

И тут слышится неподдельный ужасный треск кости и кожи. Все замирает...

Кристина глядит на ноги. Каблук сапога на левой ноге исчез. Она водит ногой туда-сюда, и каблук появляется. Но снова подгибается.

Шустов не может сдержаться и смеется. Кристина гневно взглядывает на него и, перебирая руками веревку, спускается со злосчастной скалы. Шустов — следом. Кристина нагибается, трогает каблук. Тот болтается на коже. Она пытается оторвать каблук. Шустов предлагает свою помощь, но та молча борется с каблуком — и отрывает его, в сердцах размахивается и запускает в снежные сосны внизу. Тут же с дерева срывается птица.

— Ого! Каблук вспорхнул! — восклицает Шустов, тряся бубенцом-помпоном и глаза в небо.

Хромая, Кристина продолжает шагать вниз. Теперь идти легче. Тут снова удобные деревянные помосты с деревянными крепкими перилами.

Они спускаются ниже и ниже. Идут вдоль высокой каменной стены, по которой выются то ли корни, то ли какие-то растения. Дальше со стены свисают живые розы.

— Снег и розы! — восклицает удивленно Шустов, показывая рукой на алые цветы.

Кристина молчит и не смотрит.

Внизу Шустов сразу замечает стеклянную дверь кафе и предлагает зайти туда.

Кристина не выдерживает:

— Ты что, думаешь, я буду ковылять здесь за тобой, как хромая лошадь?! Может, будешь привязывать меня у дверей?

— Да тут давно нет коновязи, — машинально отвечает Шустов. — Одни стоянки БМВ и КИА.

Ноздри Кристины трепещут, брови хмурятся.

— Но что мы должны делать? — спрашивает Шустов.

— Да искать *обувной* магазин, и всего лишь, — отвечает Кристина.

— Ну, это само собой... — бормочет он. — Просто пока можно было бы согреться, перекусить...

Но Кристина уже ковыляет дальше. Шустов, бросив печальный взгляд на кафе, — за нею.

— Давай поймаем такси, — предлагает он.

Они стоят на дороге. Мимо проезжают автомобили, автобусы. Ни одного такси не видно.

— Ладно, — говорит Кристина, сворачивая к дереву, обмотанному циновкой из соломы.

Она опирается о ствол и стаскивает сапог с каблук. Шустов с недоверием за ней наблюдает.

— Уж сломай, пожалуйста, — просит она, протягивая ему сапог, — и этот.

— Ты думаешь?

— Ну, регенерация маловероятна.

— А, это... типа хвост и ящерка... Да уж. Хотя — вдруг здесь все по-другому?

Он берет сапог, вертит его. Кристина ждет с поджатой ногой в черном чулке. Водители и пассажиры проезжающих автомобилей глазают на них.

— Ох, нельзя ли поторопиться?

Шустов хватается за каблук и начинает его ломать. Но у него ничего не получается.

— Крепкий... — бормочет Шустов, отдуваясь, — зараза... Надо засунуть в какую-нибудь щель.

Он озирается по сторонам, видит урну, направляется к ней.

— Эй, ты куда же? — окликает его Кристина.

Шустов склоняется над урной, всовывает каблук между железной ножкой и бордюром, давит на сапог.

Слышен треск.

— Ну что? — интересуется Кристина.

Вернувшись, он отдает сапог Кристине. Она торопливо натягивает сапог, топает им...

Шустов стоит, переминаясь с ноги на ногу, и глупо лыбится.